

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ ЗЕМЕЛЬ РУСИ В КОНЦЕ XIV–НАЧАЛЕ XV ВЕКА

Время великих князей московских Василия I Дмитриевича (1389–1425) и Василия II Васильевича Темного (1425–1462) по сути своей является переходным. Если при Василии I и при его сыне Василии II господствовал удельный строй, то при сыне Василия II — Иване III мы можем наблюдать уже единое государство. Сложилось Российское государство с центром в Москве, чему предшествовала длительная борьба между несколькими претендентами на верховенство в русских землях и различными тенденциями развития Северо-Восточной Руси. Маленькая удельная Москва с захудалым княжеским родом постепенно набиралась сил, подминала под себя окрестные земли и в конце концов, стала главой Северо-Восточной Руси, претендуя в то же время на все осколки некогда существовавшей Киевской Руси.

Создание единого Российского государства — процесс двуединый. С одной стороны происходило территориальное объединение земель Руси, а с другой — политическая их нивелировка, сращивание в единый массив (по Ключевскому: «собрание земли и сосредоточение власти»)¹. Складывание основной территории Московского государства произошло фактически в XV в. (Псковская земля и Рязанское великое княжество лишь номинально оставались независимыми). В XV в. уже состоялось утверждение приоритета московской власти над всеми русскими землями, не процесс, растянувшийся на века и доставивший множество проблем московским великим князьям и царям.

Процесс централизации происходил и в период территориального объединения земель под главенством Москвы, но после этого он не был завершен, а наоборот, получил, наконец, возможность по-настоящему, беспрепятственно, приводиться в действие.

Естественно, что в разрозненных землях Руси какие-либо тенденции политической нивелировки, создания единой административной, управленческой, социальной системы развиваться не могли. Итак, до момента

складывания единого Российского государства в основном можно рассматривать только одну сторону данного процесса, а именно: определение государственной территории Московской Руси.

В конце XIV столетия земли Северо-Восточной Руси находились в состоянии раздробленности. И даже более того, процесс дробления продолжался. Ярославское, Ростовское, Тверское, да и Московское, княжества распадались на уделы, из которых выделялись новые владения, и так этот процесс проходил бы до бесконечности, вплоть до того, что центрами уделов становились села. В конце концов, мелкие князьки превращались в вотчинников и шли на службу к крупным феодалам (процесс, подобный западноевропейской коммендации)².

Однако центрбежный процесс в различных землях Руси проявлялся по-разному. Если в одних местностях он был неуправляем (Тверь, Ростов, Ярославль), то в других (Москва) — находился под контролем великого князя, который сам по своему желанию распределял и создавал уделы, а в случае какой-либо необходимости эти уделы отбирал и ликвидировал. Московское великое княжество уже, по сути, было единым, а имевшиеся в его составе уделы сохранялись за своими владельцами лишь «до живота» (за малым исключением).

Москва стала местом концентрации боярско-княжеской феодальной группировки, которая служила великому князю и за службу требовала земельных пожалований. Но «земли Подмосковья расхватили сподвижники Калиты» и уже «земель вокруг Москвы не хватало»³.

Территория Московского великого княжества с конца XIV в. не давала возможности развиваться боярскому землевладению; направленность же политики московских правителей была тесно связана с интересами их слуг (и своими, безусловно, тоже). Как отмечает в одной из своих работ В.Б. Кобрин: «Присоединение же княжеств к Москве всегда сопровождалось вакханалией земельных раздач и вынужденными продажами своих земель местными боярами московским людям»⁴.

В.Б. Кобрин подчеркивает далее, что именно «стремление к новым приобретениям толкало бояр на поддержку объединительных действий княжеской власти; нежелание расстаться с этими приобретениями делало бояр противниками сепаратизма»⁵.

Москва, не являвшаяся центром хозяйственной, торговой и культурной жизни Руси (см. дальше), брала реванш за счет ставки на корпорацию служилых людей, готовых в собственных интересах поддерживать объединительную политику Москвы.

Централизаторская и объединительная роль Москвы к концу XIV века уже не могла никак быть оспорена. Однако сама Москва еще не могла наложить руку на все северо-восточные русские земли.

Существовали и развивались суверенные княжества-государства, которые, однако, давно оставили попытки претендовать на преобладание во всей Северо-Восточной Руси, распались на мелкие, почти независимые уделы и были теми спелыми плодами, которые только и ждали случая, чтобы упасть в руки Москвы. Но московские правители были не в состоянии в то время воспользоваться возможностью поглощения Тверского, Ярославского, Ростовского и Рязанского княжеств, так как в среде московского правящего дома разразилась смута, да и татары наседали на границы Руси.

Особняком в русских землях стояли Новгородская и Псковская феодальные республики. Они были всегда едины в политическом и экономическом отношениях, развивались своеобразно, испытывая в XV веке экономический и культурный подъем.

Однако во внутривнутриполитической жизни Новгорода нарастали кризисные явления: происходила борьба боярских партий-группировок, руководство лавировало между Литвой и Москвой, стремясь играть на противоречиях и сохранять независимость.

Псков же в своей ориентации твердо определился: он стал на сторону Москвы, отчасти и с целью насолить своему «старшему брату» Новгороду⁶. Москва была далеко и не могла подчинить своей власти Псков, а иметь верного союзника на Востоке было выгодно городу, постоянно ведущему войны с Западом. Земли Северо-Восточной Руси различались между собой разнообразием жизненных укладов, социальных отношений и исторических судеб.

Политические и экономические отношения всевозможных уделов, земель и княжеств мешали централизаторской политике московских правителей и предопределяли длительность этого процесса. Не говоря уже о самостоятельных государственных образованиях Северо-Восточной Руси, сами московские владения не были едины в политическом, социальном, хозяйственном и этнографическом отношениях в великом княжестве. Многие земли уже прочно и навсегда вошли в состав Московского государства (Коломна, Владимир, Переяславль и т. д.), стали уездами.

Северные московские земли (Галич, Вятка, Устюг) представляли иную, нежели московская, тенденцию развития страны. На севере развивались промыслы (солеварения и др.), крестьяне были лично свободны.

И по этническому составу московские владения различались. На юго-востоке жили племена мещеры, муромы, остатки половцев, татары; на востоке — мордва, мари; на северо-востоке — коми, пермяки.

Итак, Московское великое княжество представляло собой в конце XIV—первой половине XV в. пестрое государственное образование. Разные земли находились на разной стадии усвоения московским государством и стояли в различной степени зависимости от него. Удаленность от Москвы способствовала развитию сепаратизма, некоторые районы и вовсе обособлялись (как, например, Вятская земля с 1442 г.).

Свободолюбивое северное население не могло приветствовать централизаторские (а, значит, и крепостнические) стремления московских правителей и с охотой поддерживало их противников.

Однако галицкие князья — противники великого князя Василия II, развязавшие во второй четверти XV в. войну с Москвой, вовсе не собирались создавать свое самостоятельное государство. Они претендовали на московский великокняжеский престол и будущее России видели в единстве, следуя заветам Дмитрия Донского.

Москва была единственным претендентом на гегемонию в Северо-Восточной Руси. Остальные центры русских земель (Тверь, Рязань, Суздаль, Нижний Новгород) к этому времени оставили всякие попытки проводить активную внешнюю политику, углубясь в свои внутренние дела — верный признак ослабления государственной системы.

Целеустремленность, жажду жизни, и деятельность проявляла в Северо-Восточной Руси лишь Москва; ее возможности, возраст можно назвать юношеским и за ней было будущее. А вот Новгород, Тверь, Нижний Новгород и другие центры Русской земли уже «состарились». Их солнце шло к закату, они неспособны были решать задачи общенационального масштаба, их правители были заняты устройством своего быта, хозяйством, распределением земель между родственниками и воспоминаниями о былой славе.

Ко второй половине XV в. процесс присоединения к Москве земель Руси зашел уже далеко. Первым государем единого Российского государства считается Иван III, но именно его отец, Василий Темный, создал тот костяк, каркас русских земель, на который Иван III нанизывал новые и новые территории, завершая дело, начатое еще

Даниилом Александровичем — первым московским князем. Василий Темный сумел в подлинном смысле объединить все приобретенные его предками и им самим земли, заглушив всякие проявления не то что сепаратизма, но и всякой тяги к самостоятельности («самовольство»). Северо-Восточная Русь при вступлении на московский престол Василия II была разнородной по укладам, разношерстной, после смерти же Василия она выделась единым массивом земель.

Москва росла, распространялась **вширь** и захватывала, вбирала в себя умирающие, дряхлеющие на глазах, разлагающиеся на части русские земли, судьба которых была предрешена: стать добычей хищников — Москвы ли, Литвы, Швеции — все равно.

¹ Платонов С.Я. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 473.

² История Европы. Т. 2. Средневековая Европа. М., 1992. С. 308.

³ Зимин А.А. Витязь на распутье. М., 1991. С. 203.

⁴ Кобрин В.Б. Власть и собственность в Средневековой России. (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 210.

⁵ Там же.

⁶ Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961; Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955.